

Феликс ЛЕВ

ПОТОМУ
ЧТО ОНИ
КРАСИВЫЕ

Феликс ЛЕВ

ПОТОМУ
ЧТО ОНИ
КРАСИВЫЕ

РИСОВАЛА
Ю. КАРПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
МОСКВА. — 1974

Кто не любит цветов — они такие красивые!
Вот — нежные незабудки;
вот — голубой колокольчик;
вот молодой одуванчик, похожий на золотистое солнце;
а это — львиный зев, как пасть свирепого зверя, но совсем не страшный.

А что такое бабочки? Оказывается, это — цветы, которые умеют летать! Я узнал об этом от мальчика Севы, когда мы с ним гуляли по лесу. Вдруг он заметил что-то интересное посреди поляны, остановился и подозвал меня шепотом:

— Погляди: он цветок, а притворился, что бабочка. Какой хитрый!

— Зачем притворился? — спросил я как можно тише. Будто можно спугнуть цветок.

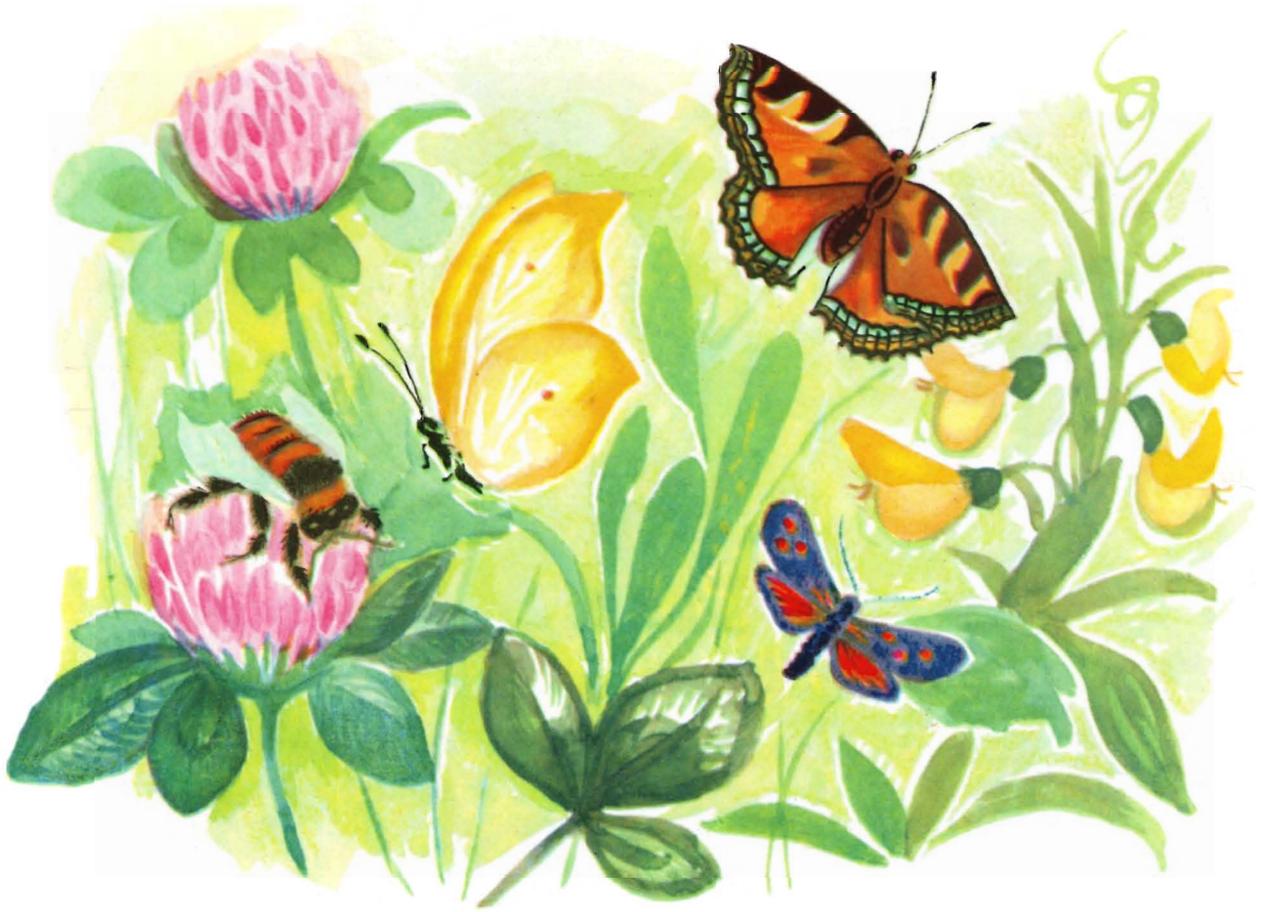
— Как ты не понимаешь: он же хочет, чтобы мы его не срывали!..

И мы не стали его трогать: пусть растет!

Так часто бывает: цветы притворяются бабочками, а бабочки — цветами.

Мы думали, это бабочка, а оказалось — цветок. Думали, что цветок, а он вдруг вспорхнул и улетел... Только зеленая травинка качнулась — поклонилась вслед своему «живому цветку», будто с ним попрощалась.

— Наверное, бабочка спасалась здесь от какой-нибудь хищной птицы, — сказал мальчик Сева. — Ведь птицы цветов не клюют...

— Или она хотела познакомиться с мохнатой пчелой, которая пролетала мимо, — сказал я. — Пчела подумает, что это цветок и что он сладкий... И станет кружиться возле...

— А что дальше?

— И они познакомятся, будут летать вместе и дружить...

— Нет, — сказал Сева, — пчела собирает мед, ей некогда. А бабочки просто летают.

— Вовсе не просто: у каждой из них спереди есть тонкая трубочка-хоботок, бывает, не толще волоса. Когда бабочка летит, она свертывает хоботок, как пружинку в часах, чтобы не мешал. А когда опускается на цветок — вытягивает и пьет через него сладкий сок-нектар. Как будто через соломинку.

— Значит, бабочки только мешают пчелам?

— Ничего не мешают! — сказал я сердито. — Разве мало цве-

тов на свете? Всем хватает! Бабочки, если хочешь знать, тоже переносят пыльцу — с одного цветка на другой. И от этого в цветах зарождаются семена. А из семян вырастают новые цветы...

— А почему ты вдруг рассердился? — тут же спросил меня Сева, которому очень не нравилось, когда с ним так говорили. — Ты это на меня?..

— Нет, — сказал я немного смутившись. Ведь я взрослый, большой, а взрослым стыдно обижать тех, кто слабее и меньше. И я постарался загладить свою вину: — Просто мне показалось... я вдруг испугался... даже не знаю, как тебе это объяснить...

— Объясни так, как есть, — попросил Сева. — Я пойму...

— Хорошо.

И я рассказал ему про одного человека, которого когда-то знал.

— Я вдруг вспомнил этого человека, одного своего знакомого. Он тоже всегда про все спрашивал, а вернее сказать — задавал вопросы: на каждый вопрос он заранее приготовил ответ. И считал эти ответы самыми правильными.

— Для чего же он спрашивал, если все знал?

— Очень просто: он считал, что все люди должны думать точно так же, как он, не иначе. «Для чего нам нужны деревья?» — задавал он вопрос. И скорее сам отвечал: «Чтобы делать из них дрова». — «А для чего нужны коровы?» — «Чтобы брать у них молоко».

Однажды он увидел бабочку и удивился: «Для чего нужны бабочки?» И не смог ничего ответить. Тогда он сказал: «Они летают ни для чего и только мешают мне отвечать на вопросы. Это значит, — произнес он решительно, — что бабочки не нужны». И с тех пор перестал замечать их, будто бабочек вовсе не существовало на свете. Так же, как в свое время перестал замечать цветы...

Прости, пожалуйста, — попросил я мальчика Севу, — но когда ты сказал, что бабочки только мешают пчелам, я вдруг вспомнил этого скучного человека. Это я рассердился на него, а не на тебя...

— Нет, я это всегда понимал, почему нужны бабочки, — помолчав, сказал Сева. — Потому что они красивые...

Когда мне было пять лет, мне подарили сачок. Чтобы я мог ловить бабочек.

Вот поймаю, и будет у меня своя бабочка. Захочу — даже две или три. Посажу в стеклянную банку из-под варенья или в спичечный коробок...

Я гонялся за ней целый час, пыжтел и хлопал сачком изо всех сил по ромашкам и кашкам. Но она каждый раз успевала меня опередить. Она взлетала и садилась на другой цветок, будто играла со мной в пятнашки. А я не играл с ней и не шутил. Ведь у меня был настоящий сачок для ловли бабочек. А она была ба-

бочкой. Я подкрадывался и хлопал по тому месту, где она только что опустилась. Но ее здесь уже не оказывалось...

Наконец-то мне удалось ее изловить, когда она села на лист подорожника, от усталости вздрагивая крыльшками, то раскрывая, то складывая их снова.

Мне повезло: я оказался выносливее. У меня были две сильных ноги, и я мог долго бегать. А она быстро выдохлась, то и дело садилась. И я — хоп! — накинул на нее сачок, а затем осторожно — не выпустить бы! — сунул руку под марлю и схватил ее за крыло. Крепко, чтобы не вырвалась.

Это была бабочка-лимонница — кажется, так ее называют: нежно-желтая с темными пятнышками на крыльях. Я хотел лучше ее разглядеть. Но она так билась свободным крылом, что пришлось поскорей запихнуть ее в стеклянную банку и закрыть крышкой. Я отряхнул руки: на них оставалась пыльца с ее крыль-

ев. Ведь крылья бабочек на самом деле прозрачные, как из хрупкой слюды, и лишь сверху и снизу покрыты множеством цветных чешуек, каждая — тоньше тонкой пылинки: пыльцой. И когда бабочка побывала у меня в руках, то сразу поблекла, будто цветок, который долго стоял без воды и завял. Одно крыло у нее потускнело (то самое, за которое я схватил ее пальцами), другое оставалось почти новеньким. И все же она была теперь совсем не такой, как прежде. Но сначала я этого не заметил. У меня была своя бабочка! Она сидела в банке не шелохнувшись. Захочу — никогда ее отсюда не выпущу, захочу — пущу ненадолго по комнате.

Полдня я носился с банкой по дому, ко всем приставал, показывал: «Поглядите, это у меня моя бабочка! Моя собственная! Что, красивая?..»

И всем приходилось глядеть. А бабочка сидела в банке, уцепившись лапками за скользкую стеклянную стенку. И даже когда банку переворачивали или трясли, она оставалась совсем неподвижной. Я уже успел разглядеть, что у нее было шесть лапок. А крыльев на самом деле не два, а четыре: два спереди и два позади. И два больших выпуклых глаза... И еще — усики, которые почему-то дрожали...

— Бабочка как бабочка. Только крылья у нее разные, — заметил дядя Костя.

— Бедняжка, она задохнется под крышкой, — пожалела бабочку тетя Галя.

Но ведь без крышки она уле-

тит!.. А что, если задохнется?.. Нет, я не хотел, чтобы она задохнулась.

Я поставил банку с бабочкой на подоконник и чуть-чуть приоткрыл — она не пошевелинулась. Открыл совсем — не летит. «Вот глупая! Я тебя отпускаю!» Потрогал ее травинкой. Наверно, она мне не верила.

И вдруг я почувствовал, что моя бабочка — вовсе не моя: я хотел, чтобы была красивая, а она вон какая: хочу, чтобы теперь полетела — не летит...

Грело солнце, муха ползала по окну и гудела. «Очень тебя прошу: ну, лети!» — сказал я чуть не плача. Зачем я ловил ее и сажал в эту дурацкую банку?! Может быть, она уже умерла? Если не задохнулась, так с горя...

Но тут, будто глотнув свежего воздуха, бабочка встрепенулась. Крылья ее вздрогнули, приподнялись, и... она все-таки вылетела!

Она летела невысоко над землей, все ниже, припадая на поврежденное крыло. Я мог бы легко ее поймать и вернуть в стеклянную банку. Но я даже не подумал об этом. Я хотел одного — чтобы она летала как прежде, летала и была красивой. «Ну, лети!..» Но она, пролетев совсем немного, опустилась на землю...

С тех пор я никогда не хватаю бабочек за крылья. Они этого не выносят. Свой сачок я тогда же забросил — не знаю куда. Он мне больше не нужен. Я просто люблю смотреть, как летают бабочки. Ведь они только тогда и красивые, когда ничьи и летают.

Я стал читать все, что мне попадалось про бабочек. И в одной толстой книге прочел, что бабочки бывают вредными. Сперва я даже не поверил этому: ведь такие красивые!

Оказывается, бывают. Только не сами бабочки, а их гусеницы, которые поедают плоды — яблоки, груши, сливы — и капусту, и листья деревьев...

Но ведь все что-нибудь едят: зайцы — морковь и осиную кору-лыко, коровы — траву и сено, волки — зайцев, а гусеницы — капусту, плоды, листья...

Все так. Но иногда целые полчища гусениц нападают на сады, огороды, леса и все на пути пожирают. Падают с яблонь червивые яблоки, пустеют грядки, деревья посреди лета остаются без листьев, раздетыми. И наверное, было бы вовсе плохо и даже страшно, если бы не птицы, которые клюют, поедают этих зловредных гусениц.

Но если бы совсем не было гусениц, то не было бы и бабочек. Птицам жилось бы голодно. И цветам было бы скучно.. Так что

все-таки не плохо, что гусеницы все же есть. Это хорошо. Плохо, когда их становится чересчур много.

А бабочки? Разве бабочки едят капусту или груши и яблоки? Они только пьют цветочный сок. Чем же они виноваты?..

Если бы мы умели спрашивать бабочек, то, наверное, спросили хоть одну из них, например, вот этого большого желтого махаона с черными пятнами: как он появился на свет? Что делал он в детстве, когда был маленьким мотыльком?

И если бы эта бабочка могла говорить на понятном для нас языке, то ответила бы, что никогда не была маленьким мотыльком, а всегда — большим махаоном, точно таким, как сейчас.

Это правда: бабочки не растут. Большие бабочки всю жизнь были большими, а маленькие мотыльки всю жизнь остаются маленькими мотыльками. Бабочка не помнит своего детства: ведь она вышла из куколки сразу взрослой бабочкой. А куколка — это не бабочка, а совсем другое. Куколка — это куколка...

Это будто очень маленькая неподвижная кукла, туго спеленутая, завернутая в коричневое одеяльце. Один мальчик нашел осенью в лесу и подумал, что просто гладкий сухой сучок. Интересный сучок! А это была куколка. Там внутри... Что там было внутри, в «одеяльце» — он не видел, не знал. Но все-таки спрятал куколку в пустой спичечный коробок. И забыл про нее. Этот мальчик любил собирать разноцветные стеклышки, камешки, желуди — разное интересное.

Весной, когда все кругом просыпается, что-то в коробке зашуршало, зашевелилось. Он открыл, а оттуда вдруг вылетела... живая бабочка! А на доньшке вместо куколки осталась одна только шкурка, пустая и легкая. Хорошо, что мальчик не стал разматывать, снимать с куколки «одеяльце», а то ничего бы из нее не вышло, ничего не получилось...

— Бабочка-бабочка, что ты делала раньше, когда была куколкой?

— Не знаю, не помню. Ведь теперь я уже бабочка, а не куколка!

А еще раньше куколка была гусеницей.

Гусеницы тоже бывают разными. Вот у этой столько ножек, что сразу не сосчитать. Какая она мохнатая — прямо-таки шерстяная! Даже страшно притронуться!

Хорошо, что страшно, гусенице только того и надо: ползает по деревьям и ест листья. Многие птицы боятся «шерстяных» гусениц и не трогают их. А вот кукушка не боится...

А у этой гусеницы ножек немного — только спереди да на самом конце брюшка. Она сперва передними ножками с коготками уцепится за сучок, потом изогнется дугой и задние мягкие ножки подтянет ближе к передним. Уцепится задними, распрямится и снова хватается передними. Так и ползет. Очень похоже на то, как

меряют длину пядью — большим и указательным пальцами. Поэтому гусеницу называли пяденицей. Другое ее название — землемер: ползет, будто землю меряет.

Пяденица-землемер не «шерстяная», а совсем голая, беззащитная. Любой может клюнуть — и скворец, и синица, и даже воробей. Страшно гусенице, замрет — притворится, будто она вовсе не гусеница, а просто такая торчащая веточка: «Птицы веточек не клюют, не клюют!»

А скворец или воробей приглядится внимательней: «А веточки листьев не едят, не едят!» — клюнет и съест. Только всех не склевать...

Пяденица тоже объедает листья — у дуба, у березы, у осины и даже иголки у сосны. Как же ей быть иначе? Очень хочется есть. И ведь нужно расти, толстеть. Иначе гусеница не может — ползает, ест, растет. А придет время — отыщет укромное местечко где-нибудь под корягой, или в щелке коры, или среди травы и замрет неподвижно, как будто умрет насовсем. Покроется плотной шкуркой-одеяльцем. И получится из гусеницы куколка.

А еще раньше гусеница была крошечным, еле заметным яичком, которое в тихий солнечный день бабочка отложила на травинке, а может быть, и на дереве или даже на большом теплом камне. Да, может быть, на камне, потому что ей было так хорошо в тот день, так радостно и легко, что она целый день только и делала, что порхала, совсем ненадолго присаживаясь — то на землю, то на цветок, то на дерево, а то на тяжелый и серый камень, который умеет лишь неподвижно лежать на одном месте и молчать.

Не одно, а тысячи таких яичек с маковое зернышко величиной откладывают бабочки там, где они садятся. Зачем так много? А вот зачем: часть яичек найдут и съедят птицы, часть — унесут к себе в муравейник муравьи, растащат жуки и мухи. А из тех яичек, которые все же уцелеют, выйдут на свет совсем маленькие гусеницы — личинки. И все опять начнется сначала: личинки расползутся в разные стороны, будут есть свою пищу; из каждой получится взрослая гусеница; из гусеницы — куколка, совсем неживая с виду. Но придет время — будто кто-то невидимый прикаснется волшебной палочкой к сморщенному сухому сучку, и вдруг из него выйдет прекрасная бабочка. Словно после долгого-долгого сна расправит, встряхнет тонкие крылышки. И полетит навстречу цветам, деревьям и солнцу. Она еще никогда их не видела, не знакомилась с ними, и они — с ней. Скорее, ведь жизнь коротка: всего одно лето живет бабочка на

свете или даже несколько дней, а то и того короче. А надо столько успеть!..

Сколько на свете разных бабочек, не похожих одна на другую? Люди стали считать: сто... двести... тысяча... девяносто тысяч... нет, не бабочек, а одних только разновидностей, видов, как их называют ученые. Даже, наверное, больше!.. Они летают где захотят, — в лесу, на опушке, в поле, в городе, где возле каменных зданий растут зеленые деревца и цветут на клумбах цветы. Когда бабочка устанет, она опустится отдохнуть на травинку или на дерево. Или на цветок, если захочет сладкого сока.

Зорька

Траурница

Крылья

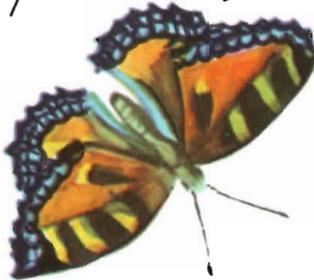
Кратонница

Капустница
белянка

Голубянка

Дневной
павлиний
глаз

Лимонница

Аполлон

Пяденица
пятнистая

Пяденица
хвойная

Пяденица
серая

Махаон

овница

Лесной
сатир

Адмирал

Перламутровка

Хохлатка
двухцветная

Большая
переливница

Пестрянка
пурпурная

Пестрянка
лазурная

Пестроглазка

Пяденица
окаймленная

Пяденица
боярышниковая

Больше всего бабочек живет на юге, в тропических жарких странах. Огромные и совсем крохотные, одноцветные и переливающиеся яркими красками, с самыми причудливыми узорами на крыльях — они там порхают почти круглый год. Это и понятно: ведь в жарких странах никогда не бывает холодной зимы и очень много больших душистых цветов. Бабочки любят тепло и цветы, им там хорошо.

А на севере?

На севере вьюги, снег, мороз. Сюда лишь ненадолго приходит лето. Разве могут они здесь жить — маленькие, совсем нежные. Сперва ученые думали: нет их на севере, — а после узнали: есть!

Вот она, эта бабочка, называется перламутровка полярная, которая живет и летает даже за Полярным кругом.

Один мальчик, который живет тоже за Полярным кругом в новом городе Мирном, написал мне в письме:

«Я наших бабочек еще больше люблю, чем южных. Потому что им холодно, а они все равно от нас не улетают!»

Самых маленьких бабочек называют мотыльками. Самый маленький мотылек здесь нарисован, не проглядите его.

Самая большая бабочка живет в Южной Америке и называется южноамериканская ночница-агриппина. Если эту бабочку нарисовать в полный рост, книжной страницы не хватит.

Дневные бабочки летают днем. Ночные и вечерние — ночью и вечером.

Дневные обычно ярко окрашены, а ночные — обычно серенькие или рыжие, совсем не такие нарядные. Ведь ночью, когда им время летать, их все равно не видно.

Если вы заметите бабочку, которая села на ветку или на цветок и сложила крылышки вместе, будто такой тонкий листик, то знайте — это дневная бабочка. Она сейчас спит, отдыхает.

А ночные крыльев не складывают или складывают совсем по-другому: домиком.

Сможете теперь отличить: где — ночные, а где — дневные?

Прислушайтесь, какие у них необычные имена: махаон, аполлон, крушинница, адмирал... И такие: морфо, сатурния, аврора... Названия—имена, конечно, придумали люди. Но неужели кому-нибудь безобразному можно дать такое красивое имя?

Есть люди, которые сами себя называют охотниками за бабочками. Это — коллекционеры, они собирают коллекции, чтобы их изучать. Один такой «охотник» научился до того незаметно и ловко подкрадываться к бабочкам, что те ничего не подозревали, пока не оказывались в его сачке. В коллекции этого человека были тысячи бабочек, и все они были там совсем как живые.

В поисках редких бабочек коллекционер объездил полмира. Он охотился за ними в Европе, побывал в Африке, плывал через океан в Южную Америку, где, по слухам, жила красавица морфо Евгения. Говорили, что это самая красивая бабочка на свете. Крылья ее светло-голубого, почти серебристого цвета переливаются на солнце так, будто они в самом деле изготовлены из тончайшего серебра и молочно-блестящего перламутра. Даже в самых больших и знаменитых музеях мира таких бабочек было — раз, два и обчелся. А некоторые ученые вообще не верили в то, что они существуют. Вот почему этому человеку непременно хотелось поймать редкостную бабочку. Но как он ни старался, морфо Евгения не попадалась ему.

Охота за бабочками в тропических джунглях — не такое простое и безопасное дело. Однажды на яркий свет его лампы вместо долгожданных бабочек слетелись полчища крылатых муравьев, от которых ему пришлось отбиваться метлой. В другой раз он едва не погиб от ядовитой змеи.

Он придумывал все новые и новые приманки, например, бана-

новый сок и вино, на запах которых любят слетаться бабочки. А отведав приятного лакомства, как пьяные, падают в траву — остается лишь подбирать их пинцетом. Но загадочная морфо Евгения так и не прилетела ни разу...

Но вот однажды, проснувшись раньше обычного, он вышел из дома. Он думал отправиться на охоту за дичью, а совсем не за бабочками. Ведь обычно дневные бабочки появляются, когда солнце уже высоко в небе. А в то утро оно еще не успело подняться. И вдруг в раннем утреннем сумраке перед ним, словно молния, промелькнула голубая красавица морфо — одна, за нею другая и третья... Солнце в тех краях встает быстро. Прошло каких-нибудь десять минут — и уже рассвело. И красавиц не стало. Но и этих минут ученому было достаточно, чтобы понять: морфо летают лишь на заре, на рассвете! Тогда их и можно ловить. Уже на другое утро в его коллекции появилась прекрасная бабочка.

И вот что интересно: из крыльев морфо ученые пробовали извлекать голубую краску. Для этого их растворяли в специальном растворе, но раствор все равно оставался бесцветным. Вот оно что: эти крылья — голубые совсем не от краски! Чешуйки пыльцы, которые их покрывают, на самом деле прозрачны и ничем не окрашены. Но они, как хрустальные стеклышки: ловят белый солнечный свет — лучи всех цветов, а выпускают наружу один лишь голубой. Вот почему крылья морфо так волшебным образом переливаются, играют на солнце!

Когда-то мне очень нравились страшные сказки — лишь бы они хорошо кончались. А это была именно такая сказка. Наверное, поэтому я и запомнил ее. В ней рассказывалось о том, как ужасный дракон похитил красавицу, дочь императора. И утащил к себе в черное подземелье, в пещеру, где всегда была ночь и откуда еще никто не сумел выбраться. К счастью для этой принцессы, она была добрым человеком и за всю свою жизнь не обидела ни зверя, ни птицы, ни бабочки. С бабочками у нее были совсем особенные отношения... Впрочем, не стану спешить, лучше расскажу обо всем по порядку, с начала.

Итак, принцесса жила в домике, построенном специально для нее в саду ее отца—императора. Стены домика были сплошь из тончайшего фарфора, как драгоценный сервиз, крыша напоминала островерхую шляпу-колпак с загнутыми кверху краями. И весь домик, казалось, был легче чайники — может быть, потому он так и назывался: чайный домик. А может быть, вовсе не потому, а по совсем другой причине: в саду возле домика росли прекрасные нежные цветы — чайные розы.

Каждый вечер они складывали, прикрывали свои лепестки, а

каждое утро принцесса поливала чайные розы росой из серебряного кувшинчика, и они распускались еще лучше вчерашнего. А когда розы распускались, к ним отовсюду слетались бабочки — пестрые, яркие, огромные и крошечные, все с длинными тонкими усиками, которые чудесным образом за тысячу метров могут чувствовать запах даже самого незаметного маленького цветка!

И вот они прилетали и порхали над чайными розами — нежно-розовыми, почти прозрачными, как бывает небо перед восходом солнца.

И вот опускались каждая на свой цветок, распрямляли пружинки-соломинки и пили сладкий цветочный сок и росу с лепестков. А некоторые искусницы умудрялись даже выпивать свою порцию прямо на лету, ни на секунду не присаживаясь на цветок.

Весь день порхали бабочки по саду и благодарили добрую принцессу — садились к ней прямо на платье, украшали прическу. Придворные и даже сам император не всегда могли угадать, что это у принцессы на голове — новый дорогой бант или живая бабочка?

Как только приходил вечер, розы складывали лепестки, а бабочки неслышно улетали из сада, словно таяли в наступающих сумерках.

Но одна бабочка никуда не улетала. Она всегда жила здесь, на большом тутовом дереве, среди густой листвы. И здесь же откладывала яички. Сперва ее гусеницы-личинки ползали по темно-зеленым тутовым листьям, с удовольствием их поедая — на завтрак, на обед и на ужин. А потом... Что происходило с ними потом, вы тоже узнаете в свое время. Сейчас я спешу рассказать про другое — про то, что случилось с принцессой.

Однажды, — это было, когда синий вечер стал таким синим, что трудно было уже отличить его от совсем черной ночи, — принцесса зажгла, как обычно, свечу у себя на столе в фарфоровом домике и прикрыла ее прозрачной тоненькой сеткой, чтобы бабочка — та самая, которая никогда не улетала из сада, — не обожглась об огонь. Ведь известно, что бабочки принимают огонь за чудесный цветок, самый яркий на свете, который вечно цветет и меняется прямо на глазах. И они летят на него, позабыв об опасности. А это иногда плохо кончается...

Так вот, однажды вечером, когда в саду никого не было, дракон влетел в открытое настежь окно, схватил и унес принцессу. Но бабочка — та, что жила на тутовом дереве, — видела это и успела сунуть в руку принцессе что-то маленькое и кругленькое, какой-то продолговатый клубок с ниточкой-шелковинкой. А конец шелковинки привязала покрепче к ветке дерева. Дракон с принцессой летел, а тонкая ниточка разматывалась, все разматывалась. И была такой прочной, что ни разу не оборвалась. По этой ниточке принцесса и нашла дорогу обратно домой, когда дракон унес ее в подземелье и оставил одну.

Вот обрадовался император-отец, который уже не чаял вновь увидеть любимую дочь! И с тех пор, — а с тех пор прошло пять

тысяч лет, — повелел своим подданным специально сажать и выращивать тутовые деревья. И оказывать бабочкам, которые поселяются на этих деревьях, всевозможные почести...

Эта бабочка называется тутовый шелкопряд — заканчивалась история.

— Значит, бабочки вправду умеют прядь шелк? Значит, это не такая уж сказка? — спросил меня один мальчик, которому я ее рассказал.

Не знаю, жила ли на самом деле принцесса. И был ли такой дракон. Что же касается бабочки, то все в этой сказке настоящая правда. Гусеница тутового шелкопряда, когда ей приходит пора превращаться в куколку, достает изо рта, вытягивает из дырочки в нижней губе длинную-предлинную паутинку-шелковинку и обма-

тывается ею. Получается кокон, шелковый домик-клубок, внутри которого пусто и живет наша куколка. И постепенно становится бабочкой. Дождь льет, ветер свищет, снег летит, солнце печет — куколке в коконе тепло и покойно, не холодно и не жарко. Наступит день — бабочка прогрызет в коконе маленькую круглую дырочку и вылетит на свободу, на волю...

Жители Китая первыми научились разматывать коконы в шелковую нить. А из нитей ткать шелковую ткань — тонкую, прочную, легкую и гладкую, такую красивую, что не жаль платить за нее чистым золотом. Караваны верблюдов, груженных тюками товаров, направлялись отсюда в самые дальние страны. Но и здесь только очень богатые люди могли покупать драгоценный шелк, чтобы шить из него одежды.

«Из чего его делают — легкий, словно воздух, скользкий, как льющаяся вода?» — ломали голову иностранцы.

«О-о, это очень большой секрет!» — хитро шурились заезжие купцы, которые, впрочем, и сами толком не знали секрета. Ведь купцы лишь покупали чудесную ткань да перепродавали другим, а изготавливали шелк мастера.

Один древний римлянин думал-думал и написал в одной книге про тех кто делает шелк: «Они сидят под деревьями и ловят руками клочки тончайшего пуха, которые сносит с веток дождем...» Вот так додумался!..

Он написал это очень давно, две тысячи лет назад. С того вре-

мени уже во многих странах люди научились разводить тутовых шелкопрядов, получать из их коконов нить, а из нити ткать шелк. Вот вам и «бесполезная» бабочка!..

А это не тутовый шелкопряд, а дубовый: его гусеница питается листьями дуба. Из коконов дубового шелкопряда получают нить погуще, потолще. Из нее делают ткань чесучу и прочный шелк для парашютов.

А это — непарный шелкопряд. Из его коконов ничего не получается. Прожорливые гусеницы непарного шелкопряда, если их разведется очень уж много, могут объесть целый лес, погубить все

деревья. Те, кто видел, рассказывают: «Птицы не успевают клевать жирных гусениц, они расползаются в разные стороны, дальше и дальше. Ни листочка не остается на ветках, ни зеленой иголки — голо и пусто. Мертвый лес!..»

Нет, этого им позволить нельзя! Ведь лес — это тоже красивое и нужное всем: людям, птицам, зверям, бабочкам...

Приходится вызывать с аэродрома самолет или вертолет: кружит над лесом и сыплет на гусениц вредный химический порошок. Убирайтесь, покуда целы!.. А что иначе поделаешь?..

Жил во Франции ученый Жан Анри Фабр. Больше всего на свете он любил наблюдать, как ведут себя насекомые — жуки, кузнечики, осы, пчелы и бабочки. Однажды Фабр осторожно поймал и посадил под колпак из тонкой проволочной сетки большую ночную бабочку под названием «павлиний глаз». В ту ночь ему так и не пришлось заснуть: вскоре его комната наполнилась порханьем и шумом крыльев! Десятки точно таких же бабочек спешили из дальнего леса к своей подруге и влетали в открытое окно. Откуда они узнали, где она находилась? Как отыскали дорогу? Вокруг — кромешная тьма, даже пальцев на вытянутой руке не разглядеть. Никаких звуков павлиний глаз издавать не умеет — вообще среди бабочек лишь немногие умеют еле слышно попискивать. Значит, позвать на помощь, крикнуть пленница тоже не могла. И все же ее друзья были здесь, прилетели за несколько километров!

Ветра на дворе не было, тишина, и ученому оставалось только предположить, что бабочки находят дорогу друг к другу по запаху. А запахи они «нюхают» своими усиками.

«Верно, по запаху», — подтвердили впоследствии другие ученые. Но вот как они умудряются при помощи усиков так удивительно чувствовать запах? Этого до сих пор никто объяснить не сумел. Ведь даже самая лучшая охотничья собака ничего не сможет почуять на таком расстоянии. А бабочка может...

Удивительные истории рассказывают про них — про то, как хрупкие бабочки совершают перелеты через горы и ледники, через целые страны. Или вдруг сыплются дождем на корабельные палубы в море. Можно много рассказывать про то, как они живут, летают, дружат с цветами и друг с другом. Я расскажу еще совсем немного.

Вам, наверное, известно это слово — орнамент. По-иному сказать — узор, украшение. Деревянный узор, выпиленный из обыкновенной доски, украшает крыльцо и ставни избушки. А другой, из

простого железа — печную трубу на крыше. Дым из трубы, конечно, будет валить и без всяких украшений, но избушка сразу станет скучной, неинтересной.

Орнаментами из мрамора и цветного стекла строители украшают подземные залы метро. Узоры вышивают вышивальщицы, ткнут ткачи и ковровщицы, рисуют художники.

Но вот что оказывается: придумать новый небывалый узор не так-то просто. Для этого нужно смотреть и видеть, нужно искать красивое повсюду — в лесу, где деревья и листья, в саду, где груши, яблоки и цветы, на лужайках, где кружатся бабочки. Никто их специально не разукрашивал, и чудесный узор на их крыльях, быть может, только для красоты. Но разве это ни для чего?.. Разве этого мало?..

Живут и летают...

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Феликс Григорьевич Лев

ПОТОМУ ЧТО ОНИ КРАСИВЫЕ

Редактор К. Покровская. Художественный редактор М. Таирова.
Технический редактор И. Капитанова. Корректор Н. Бучарова.

Сдано в набор 13/II-74 г. Подп. к печ. 3/VI-74 г. Формат бум. 84 x 108 1/16. Физ. печ. л. 2.0. Уч.-изд. л. 3.17. Усл. печ. л. 3.26. Изд. инд. ЛД-451. Тираж 300.000 экз. Цена 26 коп. Бум. офсет. № 1. Зак. 435.
Л 70802—275 — 214—74.
М—105(03)74

Издательство „Советская Россия“ Москва, проезд Сапунова, 13.15.

Фабрика офсетной печати № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Дмитров Московской области, Московская, 3.

26 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ